

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ С.М. ГЕОРГИЕВСКОГО

Статья посвящена взглядам отечественного синоведа второй половины XIX в. С.М. Георгиевского на особенности развития китайской цивилизации. Вопрос о соотношении истории восточных цивилизаций с моделью исторического развития, выработанной на опыте Европы, – один из дискуссионных в современной синологии. Одна из первых попыток комплексно подойти к решению этого вопроса принадлежала С.М. Георгиевскому.

Проблематика особенностей развития китайской цивилизации не появилась изолированно, сама по себе. Ее возникновение тесно связано с развитием исторической мысли в Европе. Свою роль здесь сыграли и оппозиция Востока и Запада, ведущая историю еще со времен Античности, и представления об историческом процессе. Образ всемирной истории в западной исторической науке выстраивался по образцу исторического процесса западной цивилизации. Естественно, что по мере накопления сведений о незападных культурах остро вставал вопрос о своеобразии этих обществ и требовалось дать какое-то объяснение этому своеобразию. Вопрос о соотношении истории восточных цивилизаций с моделью исторического развития, выработанной на опыте Европы, становился одним из центральных как для востоковедных исследований, так и для различных интерпретаций всемирно-исторического процесса.

Что касается собственно научной синологии, становление которой и в Европе, и в России приходится на XIX в., то одна из самых первых попыток подойти к решению вопроса о своеобразии развития Китая и факторах его устойчивости с научной позиции принадлежит русскому китаеведу С.М. Георгиевскому (1851–1893).

На наш взгляд, особый интерес представляют исторические воззрения С.М. Георгиевского, в рамках которых он сформулировал и попытался решить ряд узловых проблем истории китайской цивилизации. Прежде всего это дилемма уникальности и подчиненности общечеловеческим историко-культурным закономерностям истории развития китайской цивилизации. Такая направленность работ С.М. Георгиевского – факт, примечательный для мировой синологии XIX в. Подобные типологии и обобщения в то время преимущественно делались не профессиональными востоковедами, исследования которых в основном ограничивались переводом, описанием, филологическими и этнографическими изысканиями, а, по выражению С.М. Георгиевского, представителями «отвлеченных наук».

Полноценно оценить историческую концепцию С.М. Георгиевского невозможно без учета историко-культурного контекста, в котором она сформировалась. В этой связи нам кажется важным отметить некоторые традиции осмысления истории, китайской в частности, которые повлияли на исследовательскую позицию С.М. Георгиевского и видение им истории Китая.

Прежде всего следует отметить некоторые черты образа истории, характерные для XIX в. в европейской исторической мысли. В рамках исторической парадигмы XIX в. исторический процесс рассматривался как поступательное развитие человеческого общества от его низших форм к высшим, как отражающий идеал

прогресса в усовершенствовании гражданской жизни и в развитии самого человека (естественно, по европейским меркам). Те же народы, которые не соответствовали этому идеалу, вообще исключались из исторического процесса и оставались на изучение этнографии. Китай как пример устойчивости традиционных форм скорее выглядел на этом фоне лишенным какой-либо эволюции и тем более прогрессивного развития. Поэтому он либо вообще исключался из всеобщей истории (в обзорах всемирной истории материал по Китаю отсутствовал или занимал весьма незначительное место), либо ему отводилась самая низшая ступень во всемирно-историческом развитии человечества (например, как в философии истории Г.В.Ф. Гегеля [1]). С.М. Георгиевский одной из важнейших задач современной синологии считает осознание того, что китайцы исторический народ. Включить же Китай в историю для С.М. Георгиевского – значило показать, что для Китая характерно прогрессивное развитие.

В отходе С.М. Георгиевского от явно европоцентристских схем всемирной истории, связывающих прогресс с Европой Нового времени, ощутимо влияние традиций осмысления истории в русской философской и общественной мысли. Проблема исторического своеобразия России в контексте всемирной истории, в отношении к Европе и Востоку, определила ее лицо. Разработка видения исторического процесса в целом служила основой для осмысления места и роли России во всемирной истории, поиска национального самоопределения. Эта проблематика определенным образом стимулировала и русские востоковедные исследования, и разработку теоретических вопросов истории в русской исторической науке, влияя на их направленность. Осознание ограниченности европоцентристского подхода к истории, традиция типологических сопоставлений Востока и Европы в альтернативных европоцентристских схемах всемирной истории (например, в «Семирамиде» А.С. Хомякова [10], концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского [6], в историософии В.С. Соловьева [9]), пристальное внимание к особенностям восточного мировосприятия в целом характерны для интеллектуальной атмосферы России, особенно второй половины XIX в. На этом фоне неудивительна предпринятая С.М. Георгиевским попытка представить Китай «полноценным» участником всемирного исторического процесса, выявить основные «принципы жизни» Китая, повлиявшие на особенности исторического развития, сравнения исторического процесса в Китае и Европе.

На непосредственное видение истории С.М. Георгиевским оказала исключительное влияние философия

истории Н.И. Кареева [7]. Рассматривая исторический процесс как взаимодействие над-органической среды (культуры и социальных форм) и деятельности личностей, Н.И. Кареев связывал прогрессивные факторы развития со способностью человека критически перерабатывать эту над-органическую среду в соответствии с идеалами лучшего человека и лучшего общества.

В соответствии с данным пониманием исторического процесса С.М. Георгиевский ставит перед собой две конкретные задачи: с одной стороны, проследить социальную и культурную эволюцию традиционного Китая, а с другой – проследить судьбу прогресса, т.е. «показать, каким образом посредством частных эволюций или вопреки им осуществлялся идеал, рисуемый лучшего человека, равно как лучшее приспособление культуры к его нуждам» [3. С. 195].

В рамках первой задачи (эволюция социальной и культурной жизни) он пишет две работы [2, 4], посвященные истории Китая с древнейших времен до III в. до н. э. Это одна из первых попыток отойти от событийного описания истории Китая, следуя за китайскими историческими хрониками. Отмечая, что полноценное восстановление политической истории Китая в древности с учетом малой археологической изученности пока невозможно, С.М. Георгиевский более оптимистично смотрит на возможности восстановления истории культурной жизни на основании языка китайцев, их иероглифической письменности и древней китайской литературы. Он прослеживает различные стороны мировосприятия и бытовой жизни древних китайцев в их развитии. Основным выводом, который он делает, – хотя над-органические условия в Китае весьма устойчивы, но не лишены развития, они не представляют из себя застой жизни.

С выяснением причины этой устойчивости он связывает решение второй поставленной задачи – определение сущности прогресса в Китае. Этой задаче посвящены две другие его работы [3, 5]. В «Принципах жизни Китая» С.М. Георгиевский подробно останавливается на периоде Восточное Чжоу, который отвечает всем характеристикам «критической эпохи» Н.И. Кареева. Рассмотрев возникшие первые идеалы, имеющие в виду образы лучшего человека и лучшего общества, в различных направлениях древнекитайской мысли, С.М. Георгиевский приходит к выводу, что именно идеал, предложенный Конфуцием, мог стать основой дальнейшей жизненности китайской цивилизации. Конфуцианские принципы жизни, будучи порождением всей предшествующей эволюции над-органической среды, дали наиболее приемлемые ориентиры для критической переработки этой над-органической среды в виду дальнейшего прогрессивного совершенствования. В чем С.М. Георгиевский увидел плюсы именно конфуцианства? Прежде всего это органическая преемственность прежних форм культа, как во внешних его проявлениях, так и содержательно. Сохранив прежние внешние атрибуты культа предков, Конфуций наполнил их новым этическим содержанием, отвечающим высоким духовным требованиям. Но это новое содержание в своей основе имело в виду переосмысление старого принципа почитания родителей, только на более универсальном и нравственном уровне. Сделав ак-

цент на преемственности древних принципов жизни, Конфуций тем самым определил такой идеал для последующих поколений, который подразумевал осознание глубокой внутренней связи с предшествующей историей, делающий невозможным шатания из стороны в сторону (как в Европе).

В «Важности изучения Китая» он подчеркивает это значение конфуцианского учения для судеб китайской цивилизации. Рассматривая, не без определенной идеализации, влияние конфуцианства на выделенные Н.И. Кареевым аспекты исторического прогресса, С.М. Георгиевский по всем пунктам признает безусловное прогрессивное значение конфуцианских идеалов: «Китай прогрессивен, так как жизнь китайцев направлялась в длинном ряде веков путеводным светом того идеала, который был выяснен и многосторонне раскрыт Конфуцием... Этот идеал является перед нами воплотившимся в жизни современных нам китайцев в весьма значительной степени, что само по себе свидетельствует об успешности исторического прогресса, совершенного народом китайским» [3. С. 187]. Сравнивая исторический процесс в Китае с европейским, С.М. Георгиевский выделяет следующие особенности Китая:

1. Социальная и общекультурная эволюция Китая более последовательная, чем западная.

2. На Западе эволюционная жизнь направлялась многими идеалами, опирающимися на разные основы. В Китае же, с одной стороны, выявленный Конфуцием идеал имел определенную преемственность более древним принципам жизни Китая, с другой стороны, с последовательным утверждением конфуцианских воззрений в различных сферах жизнедеятельности китайцы неуклонно воплощали в жизнь только один этот идеал. Если динамика жизни китайцев не представляла такого шатания из стороны в сторону, как у некоторых народов Европы, то причина этого заключается в том, что китайцы неуклонно и последовательно старались созданный идеал воплотить в действительность, а не гонялись за выработкой многих идеалов.

Таким образом, в основе взглядов С.М. Георгиевского на историю Китая лежит представление о единстве исторического процесса для всех регионов мира. Но это единство не мыслится им в виде последовательной смены культур, в которой каждая предыдущая является лишь ступенью для более развитой последующей. Для него не приемлемы видения истории в духе философии Г. Гегеля, представляющие Европу венцом всемирной истории. Не могла привлечь его и концепция локальных цивилизаций Н.Я. Данилевского, с которой он был знаком (в одной из работ С.М. Георгиевский цитирует «Россию и Европу»). Представления об обязательном увядании и гибели цивилизаций были для С.М. Георгиевского не бесспорны. Древность китайской культуры, по его мнению, не могла помешать ей развиваться и дальше. Принципиальное единство он видел в особенностях исторического процесса как такового. Способность личности к критическому переосмыслению условий своего существования, лежащая в основе исторического прогрессивного развития, присуща как Европе, так и Востоку. Это не отменяет особенного и уникального у каждой цивилизации. Ведь в каждой из них свои, исторически сложившиеся, особые

культурные и социальные условия, определяющие своеобразный облик человека и его идеалов, соответственно и свой особый путь прогресса.

Следует отметить, что, рассматривая особенности социальной и культурной эволюции Китая, С.М. Георгиевский был склонен к определенной идеализации китайских порядков, особенно современных ему. На этом основании некоторые исследователи оценивают

его подход как китаецентризм [8. С. 32]. Из рассмотренных взглядов С.М. Георгиевского нельзя сделать вывод об абсолютизации им уникальности Китая. При раскрытии своеобразия исторического развития Китая, не без идеализации, он исходит из предпосылки о подчиненности истории развития китайской цивилизации общечеловеческим историко-культурным закономерностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993.
2. Георгиевский С.М. Анализ иероглифической письменности китайцев как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб., 1888.
3. Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. СПб., 1890.
4. Георгиевский С.М. Первый период китайской истории. До императора Цинь-ши-хуан-ди. СПб., 1885.
5. Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая. СПб., 1888.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995.
7. Кареев Н.И. Вопросы философии истории. М., 1883. Т. 1–2.
8. Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 2003.
9. Соловьев В.С. Китай и Европа // Соловьев В.С. Избранные произведения. Ростов н/Д, 1998.
10. Хомяков А.С. «Семирамида» // Хомяков А.С. Сочинения. М., 1994. Т. 1.

Статья представлена кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 15 июня 2006 г.